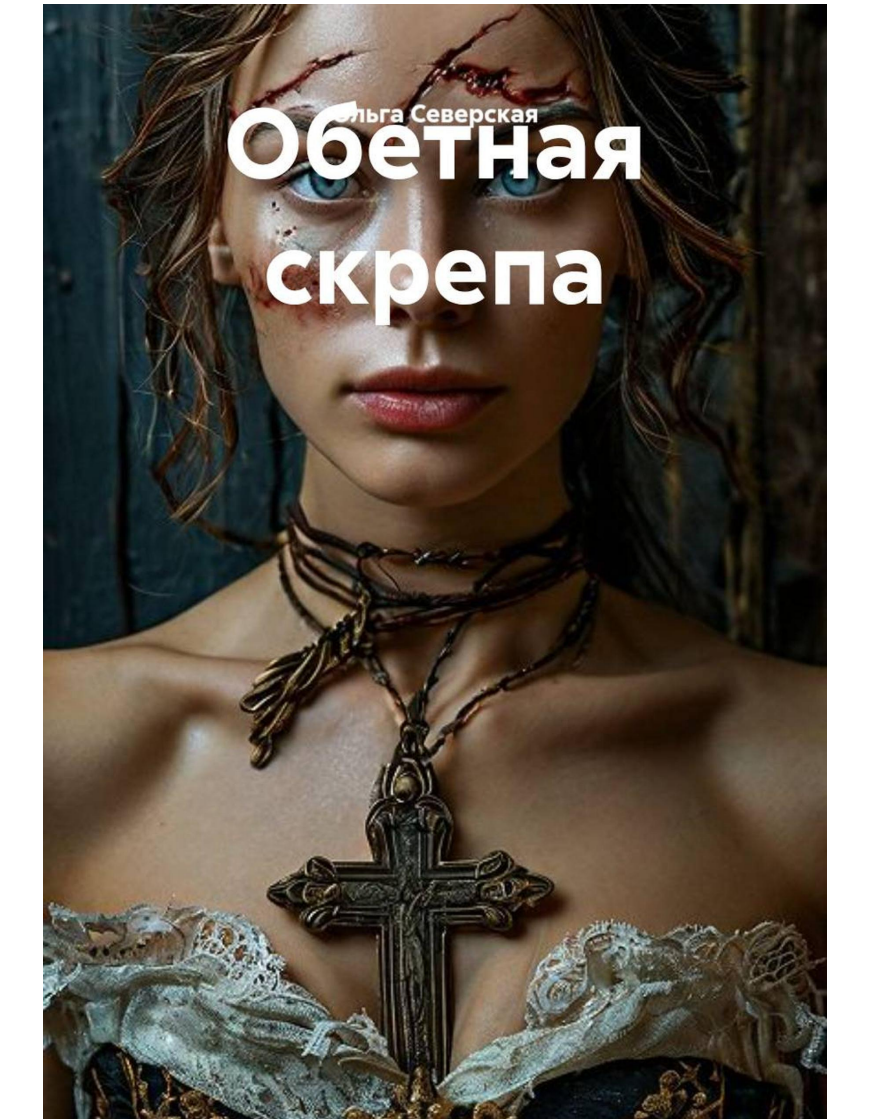

A close-up portrait of a woman with light blue eyes and brown hair. She has a bloody, lacerated wound on her forehead and cheek. She is wearing a large, ornate metal cross necklace and a white lace garment. The background is dark and textured.

Ельга Северская

Обетная скрепа

Ольга Северская

Обетная скрепа

<https://litres.ru/74285169>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Обетница»

Когда молния бьёт в нотариуса Веру Королёву, она выживает. На её груди остаётся шрам в форме креста — и дар связывать людей обещаниями. Теперь каждый, кто даёт слово и нарушает его, теряет то, что ему дорого: деньги, удачу, свободу, любимую вещь.

Вера помогает людям наказывать обманщиков, возвращать долги, восстанавливать справедливость. Слухи распространяются, к ней выстраиваются очереди, дар приносит деньги и власть. Но сын смотрит на неё с ужасом, а сама Вера чувствует, как внутри становится холоднее.

Можно ли наказывать за ложь, не став чудовищем?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8

Ольга Северская

Обетная скрепа

Глава 1

Глава первая: Гроза

Вера шла от метро через пустырь, и сапоги хлюпали при каждом шаге. Дождь лил уже час, и она насквозь промокла, хотя зонт был — ветер выворачивал его наизнанку, и она махнула на всё рукой. В левом сапоге что-то хрустело — камешек забился в подошву, но останавливаться и вытряхивать его на ветру не хотелось. Она просто шла и злилась.

Всё началось с машины. Утром она выехала из гаража, и двигатель издал странный звук — металлический, хриплый, как у старого кота. Сервис подтвердил: «Вера Сергеевна, сцепление, дня три работы». Оставила ключи, вызвала такси до метро — и вот теперь плелась по пустырю, вся мокрая, раздражённая, с камешком в сапоге.

Нотариусом она была хорошим. Клиенты ценили её за точность, за то, что не тянула резину, за то, что всегда на месте. Коллеги советовались, начальство не трогало. Она зарабатывала прилично — могла позволить себе машину, хорошую одежду, репетиторов для сына. Жизнь, в общем-то, удалась. Если бы не одно «но» — она устала от лжи. От того,

что каждый день люди говорили «слово даю» и тут же забывали.

Она вспомнила мужа. Игорь. Три года назад она пришла с работы, а его вещей нет. Шкаф пустой. Ящики стола пустые. Даже зубная щётка исчезла. Она стояла посреди спальни и не понимала, что происходит. Потом заметила записку на столе. Одно слово: «Прости». Без подписи. Без объяснений. Она попыталась позвонить — номер заблокирован. Написала — не доставлено. С тех пор она так и не получила ни одного объяснения. Только через месяц общие знакомые рассказали: он ушёл к учительнице из соседней школы. Света. Тихая, скромная, смотрит на него снизу вверх. Она жила одна с двумя детьми, и Игорь чувствовал себя с ней нужным.

Вера тогда искала его. Звонила друзьям, коллегам — никто не знал, никто не видел. Она думала: может, случилось что-то страшное? Может, он в больнице? В милицию хотела заявить. А он просто ушёл. Как трус. Даже не сказал в глаза. Просто собрал вещи, пока её не было. И забрал золото — серьги, которые тётя подарила на свадьбу, цепочку, которую мама передала перед смертью. И деньги — они общие были. Машину оставил. Ту, на которой Вера ездила. Видимо, совесть всё-таки была — или просто не хотел связываться с переоформлением.

Самое обидное — он не сказал, что ему что-то не нравится. Молчал годами, а потом просто исчез. Она до сих пор не знает, что именно пошло не так. Почему он не мог ска-

зять: «Вера, я несчастлив, давай поговорим»? Вместо этого он предпочёл сбежать.

«Трус, — подумала она, перешагивая лужу. — Просто трус. Машину оставил, а золото забрал».

Телефон зазвонил. Сын.

— Мам, — сказал Денис, и голос его звучал устало, будто он уже сто раз говорил это и знал, что она не поверит. — Я исправлюсь. Честное слово.

Она остановилась. Посмотрела на тучи.

— Ты уже говорил это сто раз, — сказала она.

— Ну блин, мам! В этот раз реально!

— Хорошо.

Она убрала телефон. И вдруг почувствовала — запахло озоном. Резко, свежо. Небо было чёрным, как сажа, и в нём, как трещина, блеснула белая молния.

Она не успела испугаться. Только почувствовала удар. Он вошёл в её грудь — точно в то место, где когда-то висел крестик. Бабушка подарила его двадцать лет назад, когда Вера заканчивала университет. «Носи, внучка, он тебя хранит». Она носила его долго, но сняла год назад — порвалась цепочка, закинула в ящик. То ли времени не было, то ли расхотелось.

Она упала. Сначала на колени, потом на бок. Слышала, как телефон стукнулся об асфальт. Слышала, как дождь хлещет по лицу. Слышала, как сердце бьётся — быстро, сбивчиво — а потом замирает.

И наступила тишина. Она помнила эту тишину. Бабушка умерла пять лет назад. Вера сидела у кровати, держала её за руку. Та сделала последний вдох. И всё. Ни звука.

Сейчас она слышала ту же тишину — внутри себя.

А потом в груди загорелся огонь. Белый, чистый. Он выжигал всё внутри. Боль от предательства мужа — от того, что он сбежал, как трус. От того, что забрал золото. От того, что заблокировал номер. Досада от неоплаченного счёта. Обида на соседку, которая взяла книгу — бабушкино издание — и не вернула. Усталость от обещаний, которые никто не держал. Всё это уходило, превращалось в пепел. И на этом месте оставался шрам. Крест. Чёткий, красный.

Она открыла глаза. Дождь кончился. Луна висела в небе — тонкий серп.

Она села. Провела рукой по груди — под пальцами выпуклый рисунок. Задрала блузку. Крест. Яркий, чёткий.

«Вот так», — подумала она.

Она встала, подняла телефон. Экран треснул, но работал. В квартире горел свет. Денис сидел на кухне, пил чай.

— Мам, — обернулся. — Ты чё, мокрая как мышь?

— Да.

Она прошла в ванную. Посмотрела в зеркало. Крест горел. Вены вокруг набухли. Она не узнавала себя.

Глава 2

Глава вторая видение

Утром она проснулась от звуков. Денис ходил по кухне босиком, и она слышала каждый шаг. Как открыл холодильник. Как налил чай. Как жуёт тост — хруст, такой отчётливый, будто она стояла рядом, хотя дверь была закрыта.

Она лежала в постели и слушала. Шрам был тёплым, но не горячим. Задрала майку, посмотрела в зеркало. Крест побледнел, стал розовым. Но форма сохранилась.

Она вышла на кухню. Денис сидел за столом, уткнувшись в телефон.

— Доброе утро, — сказала она.

— Ага, — не поднял головы.

Она налила кофе. Вчерашний. Села напротив.

— Ты сегодня никуда не пойдёшь?

— Не, — ответил слишком быстро. — Типа я чё, дурак, под дождь лезть?

— Физику сделал?

— Сделаю.

— Когда?

— Потом.

Она смотрела на него и чувствовала ложь. Резкий, кислый запах. Она никогда не чувствовала его раньше.

— Ты, как бы мягче сказать, не говоришь мне правду, —

сказала она.

Он поднял голову.

— Чего?

— Ты не сделал физику. Ты даже не брал учебник. Ты собрался к Сашке.

Он побледнел.

— Откуда ты знаешь про Сашку? Ты что, прослушку на меня поставила?

— Нет. Я просто знаю.

Он смотрел на неё с испугом. Она видела этот испуг.

— Ты чё, мам, с ума сошла?

Он встал, ушёл в свою комнату. Дверь хлопнула.

Она сидела одна, смотрела на остывший кофе. И думала о том, что теперь она видит ложь. Всегда. Это не уйдёт.